

Она могла оставить его, предать, бросить, но, возможно, это было и к лучшему. Он предал остальных членов своей бывшей семьи. Ему не нужно было поступать так же с ней. Она всегда занимала особое место в его сердце, как и он для нее, и они поддерживали друг друга. Они были друг у друга так, как не было ни у кого другого. Он не знает, почему думает о ней сейчас, так внезапно, и изо всех сил старается прогнать эти воспоминания. Она ушла, как и все остальные. Его семья - не более чем далекое эхо. Даже если бы они были живы... это уже не имеет значения, потому что он в другом времени, в другом месте. Их больше нет. Навсегда.

А может быть, только сейчас до него дошло, что он больше никогда их не увидит. Он никогда не узнает, выжила ли Асока. Он никогда не узнает, что случилось с Оби-Ваном. Он никогда больше не узнает о них ничего, потому что время и пространство навсегда разлучили их. Не он, не его поступки, не его предательства, не... ничего, кроме обстоятельств. И, конечно, его собственный выбор. Он выбрал это. Он решил вернуться сюда, ни разу не задумавшись о том, что это может означать. Он сожалеет об этом, но не настолько, чтобы не сделать то же самое снова, даже сейчас.

Это... он уже чувствовал подобное раньше. Ему не знакомо горе - он переживал его много раз и со многими людьми, - но это... странно - оплакивать потерю целой вселенной. Возможно, так будет лучше. Так и будет, он уверен, но все равно больно.

"Я... ты меняешь меня". Он не знает, почему говорит это.

Энакин моргает, кажется, совершенно застигнутый врасплох, но потом уголок его рта приподнимается в полуулыбке. "Это плохо?"

Вейдер пускает респиратор на цикл, а затем говорит: "Возможно, нет. Но во многих отношениях это... тревожно. Я никогда не думал, что это будет моим, - он обвел жестом окружающий его кабинет. Я никогда не думал, что это может быть так. Я не знал, что буду делать, если это случится. Я... привык подчиняться Сидиусу. Это была моя роль. Я сражался за него. Я убивал за него. Я делал все, что он хотел. И все же... мне это нравилось".

"Убийства", - уточняет младший, опешив.

Он наклоняет голову. "Это, - соглашается он, - и насилие, которое сопутствовало этому. Я жил этим. Я дышал им с тех пор, как присоединился к нему". Он дважды запускает респиратор, и Энакин молча ждет, когда он продолжит, чтобы сказать все, что у него на уме. "Это не та жизнь, к которой я привык. Она... другая. Неплохо, наверное, но все же другая".

"Нам больно убивать", - тихо говорит Энакин.

Вейдер сжимает руки. "Я знаю. Боль подпитывает Темную сторону". Его боль от потери всей вселенной тоже будет питать Темную сторону. Возможно, именно поэтому он чувствует себя намного мрачнее, чем раньше. Это спокойная, контролируемая ярость, которая сжигает его насквозь, и почему-то, в отличие от прежних времен, Энакин остается относительно нетронутым. Его щиты крепки, и он стоит непоколебимо среди бури и хаоса, который сейчас

представляет собой Вейдер.

"Возможно, последствия моего появления дошли до меня только сейчас", - признается он. Ему нечего скрывать от Энакина, нечего бояться его. "Я здесь... а тот, кто был здесь, ушел навсегда". Его вокодер отфильтровывает эмоции в словах, но Вейдер знает, что Энакин все равно чувствует ноющее одиночество и потерю через их связь.

Энакин протягивает руку, сжимая его руку. "Мне жаль". Это не совсем адекватно, но, впрочем, ничего и не может быть адекватным. Однако его присутствие успокаивает, и Вейдер на мгновение закрывает глаза, позволяя себе наслаждаться присутствием сияющей звезды рядом с ним, даже если часть его беспомощно болит.

"Наверное, я это заслужил", - с горечью отвечает он. "Я знаю, что я говорил в прошлом, но... то, что случилось, - это моя заслуга, и только моя. Я сделал это. Это моя вина, что я потерял их. Они... предали меня, правда, но сначала я предал их". Это первый раз, когда он озвучивает подобные вещи кому-то, кроме Сидиуса - если его старый учитель и говорил с ним на подобные темы, то только для того, чтобы помучить его и показать, насколько он неверный. Возможно, единственная причина, по которой это всплыло сейчас, заключается в том, что он больше не может попытаться скрыть то, что сделал. Он покинул... мир, который у него был, и теперь все это ушло навсегда.

"Что ты сделал?" спросил Энакин с тонко завуалированным любопытством, смешанным с беспокойством в голосе.

Вейдер уже давно смирился с тем, что ему придется рассказать Энакину всю правду, но от этого не легче. "Возможно, ты захочешь присесть.

Энакин бросает на него настороженный взгляд. "Так плохо, да?" В его голосе звучит... опасение, хотя он хорошо это скрывает, садясь за стол, поворачивая стул к Вейдеру и ожидая.

"Это было в конце Войн клонов, - рассказывает Вейдер, - примерно через полтора года, и мы с ним почти пять месяцев подряд находились на передовой. Мы вернулись, когда Сепаратисты напали на Корусант. Мы с Оби-Ваном спасли канцлера, и я убил Дуку. Война была почти закончена. Когда я воссоединился с Падме, - как больно произносить ее имя и думать о своей жене вместо жены Энакина, - я обнаружил, что она беременна. Я был... счастлив".

"Это самый счастливый день в моей жизни".

"Все казалось идеальным, но в ту ночь у меня было видение, что Падме умирает при родах". Энакин резко вдыхает, глаза расширяются. Он ничего не говорит, храня молчание и позволяя Вейдеру продолжать, когда тот будет готов. "Я боялся, что это случится, - продолжает Вейдер, - я боялся потерять ее... и ребенка. Я обращался к Йоде, но он не смог помочь. А потом - потом Сидиус рассказал мне легенду о Дарте Плагейсе, ситхе, который научился останавливать смерть. Оби-Ван ушел сражаться с Гривусом, а когда Сидиус объявился, я обратился к джедаям. Они пытались убить его. Я не мог позволить им сделать это, когда он был мне

нужен".

"Так ты остановил их, не так ли?" спрашивает Энакин.

"Я... да. Тогда я присягнул Сидиусу, и он послал меня разобраться с предателями. Он издал Приказ 66, и я повел клонов на Храм". Он помнит это до сих пор, отчетливо: дым, огонь, крики, выстрелы из бластеров, смерть. "Я... уничтожил все, всех... даже юнцов". Не всех, конечно, но многих, тех старших, что успели спрятаться в покоях Совета. Они так и не поняли, когда он убил их. Это было только начало.

"The..." прошептал Энакин, почти не понимая. Даже в темноте комнаты, освещаемой лишь светом из окна, его лицо кажется бледным.

Вейдер продолжает, не желая останавливаться, чтобы никогда больше не начать. Он заслуживает осуждения. "Сидиус послал меня на Мустафар, чтобы уничтожить лидеров Сепаратистов. У меня были сомнения. Вопросы. Сожаления. А потом... потом пришла Падме. Она узнала о том, что я сделал, от Оби-Вана, но тогда я был опьянен Темной стороной. Я не слушал доводов разума". Ее умоляющее лицо до сих пор иногда преследует его в кошмарах, но он не будет ничего цензурировать. Энакин заслуживает полной правды. "Она умоляла меня остановиться, уйти с ней. Я не стал этого делать. Тогда я думал, что достаточно силен, чтобы уничтожить Сидиуса. Я думал, что смогу захватить Империю и положить ее к ее ногам".

<http://tl.rulate.ru/book/103113/3578745>